

СТРАТИФИКАЦИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Stratification of Karachay-Balkarian Language from the Point of View of Dialect Features

Lyudmila H. MAÑIEVA* & Larisa B. KUCHMEZOVA**

Резюме: В статье представлено исследование стратификации с точки зрения особенностей диалектной лексики современного карачаево-балкарского языка. Рассматривается вопрос о членении его на два территориальных варианта: карачаевский и балкарский. Подробно анализируется специфика соотношения регионального варианта и диалекта.

Проводится сравнительный анализ изучения цокающего диалекта, имеющего очень богатую лексику и являющегося наиболее древним, с литературным карачаево-балкарским языком.

Литературный язык и диалект находятся в условиях взаимодополнения. Между ними находятся обиходно-разговорные формы, которые вследствие взаимодействия литературного языка и диалекта представляют собой самую позднюю языковую формацию и возникают как результат формирования определенной комфортности коммуникации и выражают тенденцию к экономии средств выражения при структурировании лексических и синтаксических единиц.

Кроме того, оцениваются различные приемы употребления диалектизмов в художественной литературе и в устном народном творчестве.

Ключевые слова: стратификация, обиходно-разговорный язык, балкарский язык, диалектизмы, цокающий диалект, карачаевский язык, языковые нормы.

Makale Gönderim:
21.10.2015
Kabul Tarihi:
10.12.2015

* Махиева Людмила Хамангериевна, Зам. директора, СНС сектора карачаево-балкарского языка ФГБНУ «Кабардино-балкарский институт гуманитарных исследований», kbigi@mail.ru

** Кучмезова Лариса Борисовна, научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка ФГБНУ «Кабардино-балкарский институт гуманитарных исследований», larisakuchmezova@mail.ru

Abstract: *In article research of stratification from the point of view of features of dialect lexicon of modern karachay-balkarian language is presented. The question on its partitioning on two territorial versions is considered: karachaian and balkarian. The specific character of a parity of a regional version and a dialect is in detail analyzed.*

The comparative analysis of studying of the clinking dialect having very rich lexicon and being most ancient, with literary karachay-balkarian language is spent. The literary language and dialect are in conditions of complementarity. Between them there are everyday- spoken forms, which owing to interoperability of a literary language and a dialect represent the latest language formation and arise as result of formation of the certain comfort of the communications and express the tendency to savings of means of expression at structuring of lexical and syntactic units.

Besides various receptions of the use of dialecticisms in fiction and in oral national work are estimated.

Keywords: *stratification, a everyday-spoken language, balkarian language, dialecticisms, a clinking dialect, karachaian language, language norms*

Литературный язык, как язык мастеров художественного слова обладает определенными нормами, выявляя такие признаки, как устойчивость, стабильность языкового факта; его распространенность, его соответствие закономерностям и тенденциям языка, принципы целесообразности, а также авторитет источника.

В современном карачаево-балкарском языке функции диалектной лексики различны. По традиционному определению «диалект» – это местная разновидность языка в его отношении к общенародному языку и говорам. Взаимные связи между языком художественной литературы и диалектами существовали всегда и этот процесс вполне естественен, закономерен, продолжается и сейчас.

Развитие исследуемого языка происходило в условиях достаточно тесных взаимосвязей между различными локальными группами его носителей. В процессе своего развития под воздействием внутренних, внешних и контактных факторов карачаево-балкарский язык образовал несколько диалектов, каждый из которых отличается специфическими чертами и особенностями (Guzeev, 1984: 62).

Говоря о карачаево-балкарском литературном языке, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на достигнутую договоренность в отношении однородности его нормы стандартности, нет определенного единства в диалектах, устно-поэтической и обиходно-разговорной речи. Это объясняется тем, что язык имеет два территориальных варианта: карачаевский и балкарский, что находит свое отражение в лексике носителей языка. Тем не менее, развитие таких национальных разновидностей единого языка является одним из следствий воздействия общественных структур на языковые, что наглядно подтверждается на примере собственно балкарской разновидности языка. Но длительное наблюдение над языковой действительностью карачаево-балкарского этноса показывает, что в пределах национальных границ используется карачаево-балкарский литературный язык со свойственной ему в этих границах совокупностью различий и особенностей на всех уровнях языковой системы, которая осознается и поддерживается его носителями, т.е. считается одинаково образцовой, общественно утвержденной, помещающейся на той же плоскости, что и другие национальные разновидности данного языка.

Такое представление о характере языка в современном языкознании соотносится с понятием варианта литературного языка. Безусловно, литературно-разговорные формы такого языка имеют более заметную национальную (территориальную) окрашенность, чем книжно-письменные, поскольку это связано с региональными различиями, которые их окружают и питают. Однако при определении понятия варианта литературного языка следует учитывать, что сущность вариантности лексических единиц заключается в том, что они существуют, оставаясь тождественными самим себе, по крайней мере, в двух

различных модификациях. При установлении вариантности необходимо учитывать употребление варьирующихся единиц в различных стилях литературной речи.

Реальная стратификация карачаево-балкарского национального литературного языка состоит из двух уровней: литературного языка и диалекта. Промежуточные формы практически отсутствуют. Встречаются отдельные формы, которые можно квалифицировать как обиходно-разговорные нормы: цафхан – чапхан «бегущий», являющиеся результатом взаимодействия литературного языка и диалекта и функционирования вне рамок разговорного языка. Во многих формах выражается тенденция к экономии средств выражения при структурировании лексических и синтаксических единиц, к некоторой упрощенности форм на основе фонетических, лексических и синтаксических единиц: Келгенди. Бюгюн. Ол бюгюн келгенди. «Пришел. Сегодня. Он пришел сегодня». Обиходно-разговорные формы возникают как результат формирования определенной комфортности коммуникации. И частотность их употребления в повседневной речи, которая доминирует в карачаево-балкарском языке – диалект, – есть отражение только диалектных форм.

На сегодняшний день можно констатировать в карачаево-балкарском языке факт наличия обиходно-разговорных форм, но отсутствие как формы существования карачаево-балкарского литературного языка, что объясняется доминантой диалекта, как средства повседневной коммуникации (Kuchmezova, 2014: 14-15).

Так, например, цокающий диалект карачаево-балкарского языка, имеющий очень богатую лексику и являющийся более древним по отношению к другим диалектам, зачастую вбирает в себя слова, для которых отсутствует в нем исконно литературное определение. В этом диалекте есть и лексика, функционирующая в форме, не отличающейся от литературной нормы.

Надо отметить, что в процессе развития литературного языка часть исконных элементов устаревает и выходит из употребления, продолжая, тем не менее, функционировать в диалектах и говорах. Как известно, один из путей проникновения диалектизмов в литературный язык – использование их писателями для достижения большей выразительности своих произведений, изображающими жизнь народа для достоверности и убедительности создаваемых картин человеческой жизни. Умелое употребление диалектизмов способно создать яркие описания местного быта, дать точную характеристику того или иного персонажа. Поэтому в ткань художественного произведения могут включаться и слова, употребляемые лишь жителями определенной местности, диалектизмы. Например: Жеминат, гефхин кыйыры бла бетин сыйпады «Жеминат вытерла краем фартука лицо»; Ашыгып хапар сакълагъаныгызны билеме, ол себэфтен, созмай айтайын «Знаю, что с нетерпением ждете весть, поэтому не затягивая долго, расскажу» и т.д.

Ж.М. Гузеев справедливо отмечает, что «употребление диалектизмов в художественной литературе нельзя считать нежелательным. Напротив, ее роль в усвоении диалектизмов литературным языком огромная. Тем не менее, в ней диалектные слова встречаются редко, притом, главным образом, в речи персонажей. Иначе говоря, употребление диалектизмов в художественном произведении свидетельствует не столько об их освоенности литературным языком, сколько о специфике языка того или иного писателя» (Guzeev, 1984, 14).

Известно, что диалектизмы могут быть привлечены писателем с определенным умыслом с особыми стилистическими целями. Ср.: – Мен да земталацыма, – дедим, – Огъары Земталаданма. – «З»-гъа басаракъ айтдым, сёзюм ийнаныулу болурца *«И я выходец из Жемталы, из Верхней Жемталы, сказал подчеркивая «З» для большей убедительности»*.

Переход диалектизмов в литературный язык должен осуществляется по определенным критериям и принципам, так как они малопонятны представителям других ареалов общенародного языка. Диалектное слово – это слово, свойственное местной народной речи, которое в других местах редко встречается. Стремление же вводить диалектизмы в художественную речь на равных правах с литературной лексикой чаще всего получает негативную оценку. Диалектизмы выполняют художественно-выразительную функцию, в которой проявляются специфические особенности индивидуального стиля автора.

Так, например, цокающий диалект карачаево-балкарского языка, имеющий очень богатую лексику и являющийся более древним по отношению к другим диалектам, зачастую вбирает в себя слова, для которых отсутствует в нем исконно литературное определение. В этом диалекте есть и лексика, функционирующая в форме, не отличающейся от литературной нормы.

Процесс становления карачаево-балкарского литературного языка определяется не самими литературным языком и диалектом, а декларацией: по большинству носителей того или иного говора. К примеру, если говорить о чокающем диалекте, здесь имеет место явление количественного феномена: к большинству относятся жители баксанского и чегемского ущелий и еще карачаевцы. Также надо учитывать, что цокающий диалект намного древнее чокающего. Но это историческое старшинство в данном случае не сыграло никакой роли. Хотя малкарские формы диалекта, так же как и дигорский диалект в осетинском языке, являются наиболее древними, это не определило ничего в констелляции норм становления литературного языка (Alikaev, 1999: 19).

Диалекты карачаево-балкарского языка обладают богатой и самобытной лексикой: так, название шиповника, сливы употребляются по-разному: итбурун (ч.-диал.), къуллиу (ц-диал.), юлёкъу (смеш. диал.); эрик, къара эрик (ч-диал.), къыфца (Гузеев, Махиева 2015: 69), гюрегей, хогулт (ц-диал.). такие же варианты

встречаются и с наречиями:– акъырын, акъыргын, тынч, сабыр «*тихо*»; олсагъат, олсагъатлай, олсагъатдан «*сейчас*» и т.п. Данный процесс в определенной степени объясняется изолированностью, консолидацией в прошлом различных родов и их подразделений, ранними и поздними заимствованиями. Богатая и разнообразная национальная кухня, красочная одежда, обряды и обычаи, разносторонняя деятельность населения способствовали развитию языка, изобилующего различными синонимами. Ср.: гулос, гулой, гылмай, гылдыуай (карач.) «*держак (на ручке косы)*», аппун, аппын, тюфгюр «*подушечка на сиденье; обруч, оплетенный травой, на который кладется котел*», куштел, чыккыр «*кадка*», гыбы, губу, габы «*паук, клещ, мелкое насекомое*»; гумух, гимадах, гумадах «*тупой*»; адыр, сауут «*посуда*»; Кепена, Кефена, Тепена, Тыпана, Тепана «*название хороводного танца, первоначально культового; имя богини-матери огня и название танца в ее честь; название урочища (в Балкарии)*»; хораз, адакъа, къычырычу, гугурук, гугурукку, эркек, тауукъ эркек, къызылбаш «*петух*», кюрек, жугар, бел, беккяхын «*лопата*»; фразеологизмами: кёзню жумуп ачхынчы, кёзню къагъып жумгъунчу, кёзню ачып жапхынчы, тюу деген сагъатха, тюу дегинчи в значении «*быстро, в мгновение ока*»; пословицами: *Атала сёзю – акъыл кёзю; Атала сёзю – нарт сёзю* переводится как «*Изречения старших – изречения мудрости*», Билим ёлмез, билимсиз кёрмез «*Мудрость бессмертна, а незнание слепо*» и т. д.

Весь процесс взаимообогащения, взаимопроникновения – это результат сложных этнических, исторических, экономических и географических положений и условий. «Каждый диалект имеет свою специфику, обуславливающую его самостоятельность» (Гузеев 1974: 62). Так, цокающий диалект (его малкарский говор) обуславливается такими фонетическими различиями: литературное ч изменяется на ц; а звук ж на з; п на ф; и т.п.: ахча > ахца «*деньги*», чоюн > цоюн «*котел*», жух > зух «*рот, морда; край скалы*», жол > зол «*дорога*», пиринч > фиринц «*рис*», кёпюр > кёфюр «*мост*» и т.д. Эти и другие особенности ц-диалекта более подробно анализируются в работах А.М. Аппаева (1960: 12); У.Б. Алиева (1963: 42); Ш.Х. Акбаева (1975а: 157–159, 1999б: 71); Х.Л. Башиева (1981: 17); Ж.М. Гузеева (1986: 34–36).

Так, А.М. Аппаев отмечает, что в качестве основного критерия для классификации балкарских диалектов можно принять так называемое «цокание» и «зокание». Эти два явления неразрывно связаны одно с другим. Он выделяет четыре диалекта: черекский, хуламо-безенгийский, чегемский и баксанский. В цокающем черекском диалекте, в словах, где в литературном языке употребляется звук «ч», ему соответствует звук «ц»: цибин «*муха*» – лит. чибин; цубур «*короткий жилет*» – лит. чубур; цефхен «*домотканое шерстяное сукно, черкеска; платье (карач.)*» – лит. чепкен; цёргем «*сверток*» – лит. чёргем; цомаца «*палка, которая вставляется в ярмо*» – лит. чомача; цоллакъ «*челнок*» – лит. чоллакъ; залкъа «*грива*» – лит. жалкъа; зортууул «*странствование, поход*» – лит. жортууул; зоргъа

«иноходец» лит. жоргъа; желим «клей» – лит. желим; гуфха «облучок на дереве» – лит. гупха; кёфчек «седельная подушка» – лит. кёпчек; къафцыкъ «мешок из бараньей шкуры» – лит. къапчыкъ; цёфре «отходы бузы, отжимки при изготовлении бузы» – лит. чёпре и т.п. (Арраев, 1960: 78).

Диалект черекского ущелья со свойственным ему «цоканьем» и «зоканьем» вклинивается также и в хуламо-безенгиевское ущелье. Поэтому второй диалект можно охарактеризовать как смежный с черекским и чегемским диалектами. Далее автор ошибочно утверждает, что фонетической особенностью данного диалекта является цокание, не обращая внимания на другие особенности: на чередование букв «п» и «ф», «ж» и «з». Кроме того, в цокающем диалекте встречается нарушение гармонии гласных и замена звука «м» звуком «н», как и в черекском ущелье. Например: жетейин «догону» – лит. жетейим; барайын «пойду-ка» – лит. барайым; козуне «в его глаз» – лит. кёзюне; халде «в виде» – лит. халда и т.д.

За основу современного балкарского литературного языка принято считать диалект баксанского и чегемского ущелий, хотя в баксанском диалекте есть ряд специфических особенностей (джилайды «плачет» – лит. жияйды; джомакъ «сказка» – лит. жомакъ; джюген «уздечка» – лит. жюген; келси «пусть придет» – лит. келсин; босу «пусть будет» – лит. болсун; о къыз «та девушка» – лит. ол къыз; адамлар «люди» – лит. адамла; айттылар «сказали» – лит. айтдыла; билгенлейиме «как только узнал» – лит. билгенимлей; келгеникде «когда пришли» – лит. келгенибизде и др.), свойственных только этому диалекту и не входящих в современный балкарский литературный язык.

Как видно из вышеизложенного, А.М. Аппаев классифицирует диалекты по признаку цоканья, хотя в итоге в каждом ущелье свой диалект (черекский, холамо-безенгийский, чегемский, баксанский). Но учитывая, что это первый опыт в своем роде, автор не претендует на окончательное разрешение проблем в этой области.

Главным недостатком исследования А.М. Аппаева является то, что в нем язык балкарцев признается самостоятельным языком, и количество диалектов определяется по количеству ущелий в Балкарии. Работа же автора вышла в свет в 1960 г., когда язык карачаевцев и балкарцев был единым, карачаево-балкарским.

У.Б. Алиев выделил в карачаево-балкарском языке три диалекта: карачаевский, промежуточный (баксано-чегемо-холамо-безенгийский) и малкарский. Однако, различия между баксано-чегемским и карачаевским говорами не такие значительные, по сравнению с холамо-безенгийским и баксано-чегемским говорами, что не дает достаточно оснований для выделения карачаевского говора в самостоятельный диалект (Aliiev, 1963: 49).

По мнению Ш.Х. Акбаева, в исследуемом языке два диалекта (основной, составивший основу литературного языка, и малкарский) и два говора, причем один из них входит в диалект, другой занимает зону между диалектами и в структурном отношении характеризуется совмещением обоих диалектов (Акбаев, 1975: 157).

Наиболее полную и верную классификацию диалектов в карачаево-балкарском языке на сегодняшний день дает Ж.М. Гузеев, который выделяет два диалекта: ц-диалект (с малкарским и холамо-безенгийским говорами), ч-диалект (с баксано-чегемским и карачаевским говорами). Следует отметить, что территориальное членение более верное, так как воздействию как родственных, так и неродственных языков подвержены все диалекты (Guzeev, 1984: 35).

К примеру, общее для тюркских языков явление протезы (вставка гласных в начале слова), вызванное в основном системой данных языков, находит широкое применение в русизмах, арабизмах и частично в исконно балкарских словах: ырахат / рахат «спокойно, спокойствие», ыстауат / стауат «стадо», юлёкьбу / лёкьбу «шиповник», ырысхы / рысхы «имущество, богатство», илячин / лячин «коришун», ыразылыкь / разылыкь «довольство, удовлетворенность чем» и т.п.

Эпентеза, то есть вставка тех же гласных в середине слов между сочетаниями согласных бр, кър, пр, др, тр, хр, мр, мж, мч, также последовательно проводится в русских и других заимствованиях: тебире / тебре «собираться (куда-либо)»; чокьуракь / чокьракь «ракушка»; чапыракь / чапракь «лист бумаги, лист растения»; топуракь / топракь «почва, земля»; седире / седре «размотаться, раскрутиться; разладиться»; татыран / татран «горчица»; ахырат / ахрат «тот свет, последний покой (досл.)»; томуроу / томроу / томурау «чурка, чурбан, колода; обрубок бревна»; томуроу бычхы «поперечная пила»; кьамыжакь / кьамжакь «жук»; кьамичи / кьамчи «розга» и т.д.

Современный карачаево-балкарский язык, как и другие тюркские языки, прошел сложный и длительный путь развития. Параллельно с творчеством тюркоязычных поэтов шло развитие устно-поэтического народного творчества, которое своими корнями уходит вглубь веков. Для них была характерна наддиалектная обработанная форма языка.

Иными словами, функциональные парадигмы, построенные с помощью гипотез и реконструкций, в ряде случаев могут быть типологически обоснованы данными, дошедшими до нас в живой традиции, а нередко в первоначальной форме. Функциональная дифференциация языка, соотношение его разных форм существования – диалекта, литературного стандарта, других наддиалектных типов речи – явление историческое.

Так, в текстах нартского эпоса можно выделить лексические диалектизмы: кичи (ц-диал.) – гитче (ч-диал.) «младший, маленький», сауут юй (ч-диал.) – аш юй

(ц-диал.) «*кухня*», къяугъа (ц-диал.) – къяйгъы, хахай (ч-диал.) «*переполох, смятение, внезапная тревога*»; уууз (ц-диал.) – ырпыс (ч-диал.) «*молозиво*», чогыожлен – (ц-диал.) – сокъуран – (ч-диал.) «*передумать, пожалеть*», эрик (литер.) – кыфца (ц-диал.) «*слива*» и т.д.

Нужно обратить внимание и на фонетические диалектизмы: зылауукъ (ц-диал.) – жилиуукъ (ч-диал.) «*плакса*», жаяу (ч-диал.) – зыйяу (ц-диал.) «*пешком*», быцакъ (ц-диал.) – бичакъ (ч-диал.) «*нож*», зынындан (ц-диал.) – ызындан (ч-диал.) «*следом, вслед*», ахсай-ахсай (ц-диал.) – акъсай-акъсай (ч-диал.) «*хромая, прихрамывающая*», бишлакъ (ч-диал.) – бышлакъ (ц-диал.) «*сыр*», чапыракъ (ч-диал.) – цафыракъ (ц-диал.) «*страница, лист*» и т.д.

Цокающий диалект имеет и некоторые морфологические особенности. Например, наблюдается стяжение формы глагола типа боллугъенг (ц-диал.) – боллукъ эдинг (ч-диал.) «*был бы*», келсе уа (ч-диал.) – келсеаа (ц-диал.) «*а если придет*» (Guzeev, 1974: 64).

Близость тюркских языков между собой и сложное их взаимодействие проявляются весьма часто и в том, что диалектная основа одного тюркского языка оказывается нормой для другого тюркского литературного языка или общенародного языка. Например: «*шиповник*» итбурун (балк. диал.), итбурну (азерб.), этморон (башк. диал.), итбурун (кум.), ийт бурын (ног.), етпорон (тат. диал.), итбурун (узб.); «*бабочка*» дибилдирик, къубаллек, гёбелек (балк. диал.), губелек (к.-калп.), көпөлөк (кирг.), гобелек (кум.), кепинек (уйг.); «*дождь*» жауун (балк.), джангур (карач.), янгур (кум.), ямгъур (казах.), жауны (к.-калп.), жамгыр (кирг.), жамгыр (ног.), ямгыр (туркм.), ягмыр (узб.), ёмгыр (уйг.), ямгур (алт.), дангмыр (хак.), нагбур (шор) и др.

Таким образом, диалектная лексика одного и того же языка является также нормой, неотъемлемой принадлежностью диалекта другого тюркского языка. Некоторые общие лексические явления в диалектах отражают не прямые контакты тюркских языков и диалектов, а экстралингвистические явления.

ЛІТЕРАТУРА

- AKBAYEV Ş.H. (1975). Harakteristika Dialektov Karaçayevu-Balkarskogo Yazıka // Uçeniye zapiski KBNiİ. T. 27. Seriya filologičeskaya. Nalçik, 1975. S. 157-169.
- AKBAYEV Ş.H. (1999). Dialektı Karaçayevu-Balkarskogo Yazıka V Strukturno-Genetiçeskom İ Arealnom Osveşçenii. Karaçayevsk: İzd-vo KÇGPU, 1999. 258 s.
- ALİYEV U.B. (1963). Dialektnoye Çleneniye Yazıka Karaçayevsev İ Balkarsev // Voprosi Dialektologii Türkskih Yazıkov. Vip. III. Baku, 1963
- ALİKAYEV R.S. (1999). Mikrostruktura yazıka nawki. Nalçik: Kab.-Balk. un-t, 1999.
- APPAYEV A.M. (1960). Dialektı Balkarskogo Yazıka v İh Otnoşenii K Balkarskomu Literaturnomu Yazıku. L., 1941; Nalçik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1960. 78 s.
- BAŞİYEV H.L. (1981). Sistema soglasnih zvukov çerekskogo dialeкта balkarskogo yazıka. Nalçik, 1981. 20 s.
- GUZEYEV J.M. (1974). Fonetičeskiye osobennosti malkarskogo dialeкта karaçayevu-balkarskogo yazıka // Sovetskaya türkologiya. 1974. № 5. S. 62-66.
- GUZEYEV J.M. (1975). Ob odnoy osobennosti singlarmonizma v sokayuşçem dialekte karaçayevu-balkarskogo yazıka // Uçeniye zapiski KBNiİ. T. 27. Seriya filologičeskaya. Nalçik, 1975. S. 131-133;
- GUZEYEV J.M. (1984). Problematika slovnika tolkovih slovarey türkskih yazıkov. Nalçik: Elbrus, 1984. - 160 s.
- GUZEYEV J.M. (1986). Fonetičeskiye i morfologičeskiye osobennosti çokayuşçego dialeкта karaçayevu-balkarskogo yazıka // Sovetskaya türkologiya. Baku, 1986. № 3. S. 34-36.
- GUZEYEV J.M., MAHIYEVA L.H. (2015). Kratkiy slovar malkarskogo (s/z) dialeкта karaçayevu-balkarskogo yazıka. Nalçik, 2015. 150 s.
- KUCHMEZOVA L.B. (2014). Formirovaniye i razvitiye naddialektnih tipovkaraçayevu-balkarskogo yazıka. Nalçik: İzdatelskiy otdel KBİGİ, 2014.135 s.